

Мерабишвили М.
худ.

1985

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 45, 10 ноября 1985 г.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Семейная реликвия

Мераб МЕРАБИШВИЛИ, народный художник Грузинской ССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, создатель памятника Петру Багратиону.

Утренний Тбилиси был тих и прохладен, когда мы с Мерабом Мерабишвили подошли к памятнику генералу Багратиону — герою Бородинской битвы, разыгравшейся в войне 1812 года с войсками Наполеона.

Полуобернувшись, всадник на полном скаку осадил коня. Глядит ли он на идущих за ним солдат или отдает приказ адъютанту? Он весь охвачен горячкой боя, еще мгновение — и Багратион помчится дальше, увлекая за собой полки.

— Долго я не решался присту-

десятели. Мастерская у Мераба общая с отцом, академиком Константином Мерабишвили. Работы отца и сына, хотя и разные по стилю, близки по духу. Глядя на них, вспоминается великий французский мастер Роден, статуя Багратиона напомнила мне роденовских «Граждан Кале»: тот же невероятный динамизм, экспрессивность движений и чувств, заключенных в ожившем металле.

С этими мыслями я спускаюсь по лестнице, и на первом этаже мое внимание привлекают два циркуля на стене.

— Тот, поменьше, Родена, — объясняет Мерабишвили, как бы подслушав мои мысли. — Учитель моего отца, наш известный скульптор

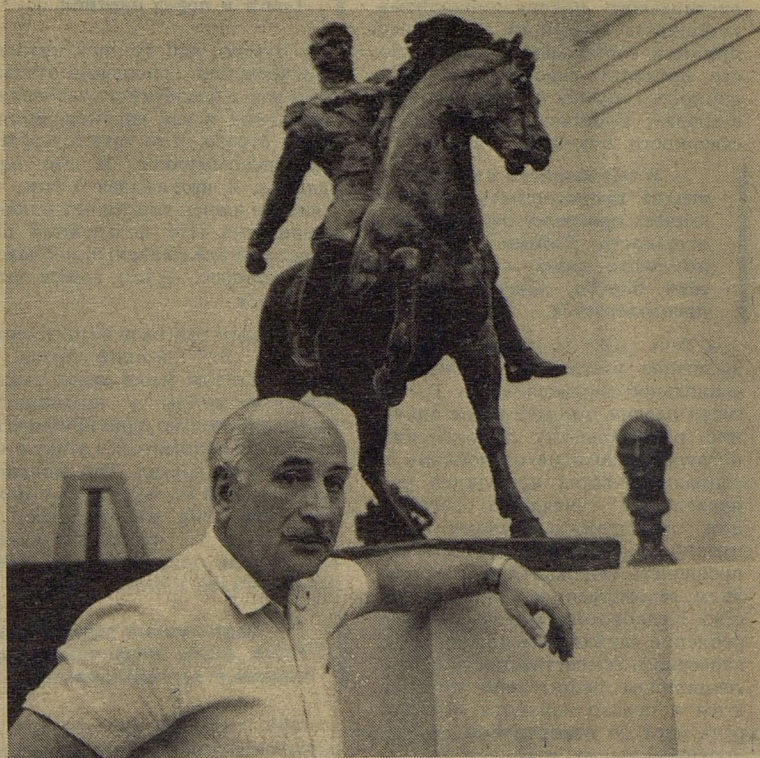

Фото Галины КИСЕЛЕВОЙ.

пить к этой работе, — говорит скульптор. — Багратион был не только выдающимся полководцем, но и человеком незаурядных достоинств. Вспоминают, в частности, что ему всегда не хватало денег, хотя он и не слыл кутилой: все свои средства он отдавал армии. Я решил запечатлеть Багратиона в пылу сражения. Бородинская битва была решающей в той трудной войне с непобедимыми, казалось бы, наполеоновскими войсками, и герои Бородина (помните, у Лермонтова?) «немногие вернулись с поля». Поэтому монумент этот еще и дань памяти безвестным солдатам, защитникам Отечества.

В мастерской Мерабишвили мое внимание привлекла кипа фотографий.

— Я и сам люблю ездить верхом, — говорит скульптор, заметив мой интерес к фотографиям, — а тут пришлось превратиться в наблюдателя со стороны, с блокнотом в руках. Делал эскизы, собирал снимки, даже анатомию лошади вспомнил. Вам лошадь понравилась?

— Под стать всаднику. Вы настолько точно передали свои наблюдения в скульптуре, что даже породу можно определить сразу: это «араб».

— Верно. Багратион любил лошадей арабских и донских. У меня «араб», они и мои самые любимые.

Рабочую модель я лепил долго, но потом, когда ее утвердили, а открытие памятника задержалось, я в досаде три месяца не заходил в мастерскую. Наверное, так и нужно, чтобы глаз отвык и можно было взглянуть на свой труд как бы со стороны... После такого перерыва туловище лошади показалось мне коротким. Я его удлинил, и тогда пришлось поднимать всадника. При отливке не обошлось без небольшого курьеза, — с улыбкой рассказывает художник. — Я попросил мастера сделать саблю как настоящую, а он впридачу, для полного сходства, взял и наточил клинок.

Я разглядываю рабочую модель памятника Багратиону и в скульптуре слева от него узнаю Грибоедова. В этой большой комнате собрались многие знаменитости: поэты, писатели, государственные

Яков Николадзе, был учеником Родена и этот циркуль получил от него в подарок. Когда же на одном из конкурсов отец занял первое место, а Николадзе — второе, то на следующий день он пришел к отцу с этим циркулем. Отец до сих пор с ним работает.

Светлана ДРОЗДОВА.